

5.5.4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ / 5.5.4. INTERNATIONAL RELATIONS

Серия «Политология. Религиоведение»

2025. Т. 51. С. 89–104

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 327

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.51.89>

Глобализация и деглобализация: исторические циклы и современность

С. Ф. Шмидт*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Поставлена задача выявления исторических предтеч современных процессов глобализации и деглобализации. Глобализация охарактеризована как экономический процесс с политическими последствиями, а деглобализация как политический процесс с экономическими последствиями. Предложено рассматривать два этих понятия исключительно в связке друг с другом. Проанализирована взаимная обусловленность экономической экспансии мирового капитализма и развития межгосударственной системы суверенных государств современного типа. Представлен общий обзор трех волн глобализации и деглобализации в мировой истории: рождение мирового капитализма в XVI в. и становление межгосударственной системы в XVII в.; интенсивное развитие капитализма в XIX в. и деглобализация, вызванная Первой мировой войной; глобализация и деглобализация современной эпохи. Охарактеризована специфика современной глобализации как единственной в мировой истории политической глобализации. Современная деглобализация рассматривается как процесс укрепления, а в отдельных случаях восстановления суверенитета наиболее активными участниками мировой политики. Проанализированы обстоятельства и вероятные исторические даты начала современной деглобализации. В заключение высказывается предположение, что в будущем человечество ожидает продолжение циклических движений от глобализации к деглобализации и обратно, сопоставимых с теми, что происходили начиная с XVI столетия.

Ключевые слова: глобализация, деглобализация, Вестфальская система международных отношений, исторические циклы, мировая история, суверенитет.

Для цитирования: Шмидт С. Ф. Глобализация и деглобализация: исторические циклы и современность // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2025. Т. 51. С. 89–104. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.51.89>

Original article

Globalization and Deglobalization: Historical Cycles and Modernity

S. F. Schmidt*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

© Шмидт С. Ф., 2025

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

Abstract. This study aims to determine historical origins of the modern globalization and deglobalization processes. Globalization is characterized as an economic process leading to political consequences, contrary to deglobalization which is described as a political process leading to economic consequences. We suggest discussing these two processes exclusively in tandem. Mutual conditionality of the expansion of modern capitalism and the development of the international system of modern-day sovereign states is analyzed. This paper also provides an overview of the three waves of globalization and deglobalization in modern history: the birth of modern capitalism in the 16th century and the establishment of the international system in the 17th century; active development of capitalism in the 19th century and the deglobalization caused by the First World War; and globalization and deglobalization of the modern age. The study characterizes the specifics of the modern globalization as the only political globalization in the history of the world. Modern deglobalization is considered to be a process of consolidation and in some cases restoration of sovereignty performed by the most active participants in world politics. The paper analyzes the circumstances and possible historical dates marking the start of the modern deglobalization. In conclusion, it is suggested that humanity will continue moving through the cycles of globalization and deglobalization comparable to what it has experienced since the 16th century.

Keywords: globalization, deglobalization, Westphalian system of international relations, historical cycles, world history, sovereignty.

For citation: Schmidt S.F. Globalization and Deglobalization: Historical Cycles and Modernity. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2025, vol. 51, pp. 89-104. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.51.89> (in Russian)

Научный и любой другой интерес к поиску в истории не только причин или предтеч тех или иных актуальных социально-политических, экономических или культурных феноменов, но и более или менее цельных и содержательно сопоставимых аналогов этих феноменов может быть продиктован самыми разными мотивациями – от чисто научных, связанных со стремлением к более глубокому и многомерному пониманию феноменов актуальной современности, до нередко политизированных стратегий укрепления собственных мировоззренческих позиций и ослабления мировоззренческих позиций оппонентов. То, что имеет аналоги в историческом прошлом, обретает особый статус в научной картине мира – статус неслучайного, фундаментального, способного к воспроизводству в разных эпохах и к ренессансу в случае исчезновения. В конце концов, никто не отменяет и мотивов элементарного любопытства. Вопрос, насколько оригинальным является то, что мы наблюдаем в режиме реального времени, пройдет ли наблюдаемое проверку на оригинальность, если мы расширим оптику наблюдения до определенных исторических масштабов, – вполне естественный вопрос для людей науки или просто думающих людей. Ну и стремление построить некую стройную и целостную, если угодно, стержневую картину мировой истории, первые попытки которого можно обнаружить не просто в эпоху раннего Просвещения (можно вспомнить философию истории Джамбатиста Вико), но даже в Средневековье (религиозная историософия Иоахима Флорского), не ослабляется никакими постмодернистскими веяниями. Обнаружение аналогов наиболее значимых современных феноменов в истории позволяет выстраивать такие стержневые концепции мировой истории.

Цель данной статьи – опираясь на довольно естественную гипотезу о том, что в мировой истории могут быть обнаружены процессы как глобали-

зации, так и деглобализации, аналогичные тем, что стали мегатрендами современности (в период от конца 1980-х гг., когда мировым трендом стала глобализация, до 2020-х гг., когда уже деглобализация утвердилась в качестве внутренней доминанты мировых процессов), представить последовательность исторических циклов глобализации и деглобализации в последние полтысячелетия мировой истории, являющейся в первую очередь историей капитализма для экономических историков, а для международных – историей межгосударственной системы, основным элементом которой, в отличие от предыдущих международных отношений, является суверенное государство современного типа.

Нет ничего удивительного в том, что в период – сразу заметим, что оказавшийся неожиданно коротким, по сути, сведшийся к двум десятилетиям, к 1990–2000-м гг., – полноценной, можно сказать, что несомненной глобализации, когда мировые тренды действительно соответствовали основному перечню критериальных признаков глобализации, от стремительного сокращения издержек транснациональных движений капитала и рабочей силы и конвергенции цен на мировых рынках [18, р. 2] до ослабления суверенных государств и триумфа либеральной идеологии (этому триумфу был даже придан статус «конца истории») в сознании политически влиятельных и образованных классов значительного количества стран мира, исследования и концептуализации характерных черт актуальной глобализации сопровождалась попытками обнаружить аналогичные явления в историческом прошлом человечества. Сотни, если не тысячи теоретических определений современной глобализации, которые появились в мировой науке, выявили общее «смысловое ядро» этого понятия – практически никто из авторов определений не избежал тематических мотивов взаимозависимости разных стран и регионов, опережающий рост транснационального, а не просто международного качества, что экономики, что политики, не говоря уже о культуре. Однако даже относительного единства мнений по поводу того, что считать глобализацией или глобализациями в историческом прошлом, так и не возникло. Относительный консенсус существует по поводу того, что интенсивная глобализация имела место в XIX в., после Наполеоновских войн, и глобализационные процессы того времени были прерваны Первой мировой войной [9; 18]. Но вот вопрос, имеет ли смысл считать первой глобализацией генезис капитализма в XVI столетии – в качестве мирового, а не очагового (в отдельных регионах Европы) феномена, – оставался предметом дискуссии. Если к такому выводу и могли привести фундаментальные работы И. Валлерстайна [3; 17] и его как постоянных, так и ситуационных соратников по мир-системному анализу, то отдельным теоретикам мешало согласиться с таким выводом то ли вынесение глобализации в избыточно отдаленное прошлое, то ли чрезмерно критический (его могли называть «неомарксистским») по отношению к капитализму и либерализму дух того же мир-системного анализа, с которым вывод о глобализации XVI в. стал ассоциироваться. С другой стороны, вполне себе авторитетные теоретики глобализации вроде настоящего живого классика социальной науки Энтони Гидденса могли обнаружить гло-

бализацию в историческом опыте разных имперских образований, вроде Римской или Китайской империй¹, что, откровенно говоря, противоречило как принципиальному для определения глобализации акценту на экономическом и относительно ненасильственном ее характере, так и содержательно важному противопоставлению глобализации имперским объединениям, военно-насильственный характер создания свойственных им систем взаимосвязей и взаимозависимостей является не дополнительной, а сущностной их характеристикой.

Кроме того, можно констатировать, что если поиск исторических аналогов глобализации, которую переживало человечество в конце XX – начале XXI в., стал общим местом, в частности даже перекочевал со страниц научных изданий на страницы учебников, то поиск аналогов обратных, деглобализационных процессов в истории только начинается, хотя актуальность деглобализации, начавшейся в 2008 г. в связи с мировым, сначала финансовым, а потом и экономическим кризисом, ставшей мегатрендом во второе десятилетие XXI в., а в 2020-е гг. приобретшей еще более интенсивный характер, подталкивает к тому, чтобы таким поиском заняться. Отдельно следует заметить, что вполне плодотворной с точки зрения задач научных исследований и теоретических концептуализаций является установка на то, чтобы рассматривать глобализацию и деглобализацию исключительно в связке друг с другом. Дело в том, что в трактовках глобализации с самого начала сохраняется некоторое противоречие между пониманием глобализации в первую очередь как процесса расширения и углубления экономических связей между разными странами и регионами мира, иначе говоря, процесса масштабирования экономической взаимозависимости, а с другой стороны, толкования глобализации как процесса специфической трансформации политических структур современного мира, в первую очередь главной из таковых – суверенного государства, осуществляющего представительство «собственных» наций в международных отношениях. Речь об ослаблении или радикальной трансформации суверенитета, об уменьшении роли национальных государств классического типа в международных отношениях, равно как и о размывании национальных культур, унификации правовых систем, интернационализации политических и социокультурных ценностей. Разумеется, к сказанному следует добавить усиление роли негосударственных или нетрадиционных акторов международных отношений. В перспективе международно-политической науки этот процесс сугубо политической глобализации может быть назван процессом разгосударствления международных отношений.

Выражаясь философским языком, диалектическое совмещение глобализации и деглобализации в единой теоретической рамке позволило бы достичь давно желанной согласованности экономических и политических аспектов этих феноменов. Представляется, что определение глобализации как экономического процесса, имеющего политические последствия, а деглоба-

¹ Так высказался Э. Гидденс в своей лекции в Новосибирском государственном университете 31.08.2006 г., запись которой была любезно предоставлена автору этой статьи.

лизации как политического процесса, имеющего экономические последствия, позволило бы не просто сформировать вполне адекватное и ресурсное для науки представление о природе этих феноменов, но и примирить экономические и политические начала, в них проявляющиеся. Иначе говоря, глобализация в политической сфере происходит по экономическим причинам, под давлением существенных изменений в мировой экономике, связанных с усилением транснациональных финансовых, торговых и производственных структур и коммуникаций, а деглобализация в экономике происходит по политическим причинам, чаще всего под давлением обострившихся международно-политических конфликтов, обусловленных вполне типичными для международных отношений причинами вроде конфликтов интересов, стремящихся к усилению собственной безопасности, а также к сохранению или усилению своего внешнеполитического влияния суверенных государств, по крайней мере тех из них, чей силовой потенциал и амбиции политических элит позволяют или заставляют оставаться активными участниками мировой политики.

Подобное предварительное допущение (еще раз уточним, что речь идет о том, что глобализация и деглобализация рассматриваются исключительно в органической связке друг с другом, очевидная разнонаправленность процессов, которые обозначают эти понятия, не подрывает «органики» этой связи, а наоборот, усиливает ее) позволяет внести историческую определенность в вопрос, в каких именно периодах мировой истории имеет смысл искать и обнаруживать глобализацию и ее органического антипода, а приписывание глобализации иным периодам можно однозначно расценивать как ошибку или в той или иной степени позволительную околонуточную провокацию, способную привлечь внимание публики, что в наши времена не считается предосудительным. В качестве примера последнего можно привести оригинальные тезисы профессора Нью-Йоркского университета в Абу-Даби Г. М. Дерлугьяна, который в своих сетевых выступлениях, выдержанных в жанре научпопа, «обнаруживает» глобализацию аж в XXI в. до н. э.

Глобализацию, тем более деглобализацию, имеет смысл связывать только с периодом существования международной системы государств современного типа (суверенных государств как династических в раннее Новое время, так и национальных в классическое новое время), т. е. той системы и тех государств, возникновение которых международно-политическая теория связывает с окончанием Тридцатилетней войны в Европе и заключением Вестфальских мирных соглашений в 1648 г. Разумеется, следует уточнить, что тезис о Вестфале как о начале современной международной политики, в которой государство является если не единственным, то однозначно главным участником международных отношений, является своего рода «объясняющим мифом», во многом порожденным атмосферой 1948 г., когда на волне послевоенного оптимизма научное сообщество отмечало трехсотлетие окончания Тридцатилетней войны.

Проиллюстрируем этот тезис формулировкой не кого-либо из многочисленных апологетов или умеренных сторонников выведения классическо-

го формата международных отношений (когда международные отношения, по сути, сводятся к межгосударственным отношениям), а Бенно Тешке, который написал объемную книгу с достаточно убедительным разоблачением этого «объяснительного мифа»: «Общее мнение, разделяемое и американской политической наукой, и британской теорией международных отношений, и немецкой социальной философией, состоит в том, что вестфальское соглашение выстроило европейский порядок на основе суверенных государств, придерживающихся нововременных принципов разрешения конфликтов и сотрудничества. Междисциплинарное и межпарадигмальное согласие относительно 1648 г. как истока нововременных международных отношений наделило теорию МО как дисциплину собственной направленностью, тематическим единством и исторической легитимностью. Нить подобного молчаливого согласия пронизывает все работы в этой дисциплине, переходя от одного поколения теоретиков МО к другому» [10, с. 23].

Этот «фетиш Вестфалья» был многократно и убедительно раскритикован профессиональными историками, которые без особого труда продемонстрировали несоответствие между историческими и правовыми фактами 1648 г. и теми смыслами, которые приписываются им международниками. Тем не менее динамику волнообразного движения глобализации и деглобализации имеет смысл анализировать в исторический период, охватывающий примерно пять последних столетий мировой истории, которые мы традиционно и совершенно справедливо связываем со становлением и развитием капитализма, республиканизма, науки, секуляризации, международного права, т. е. с общей совокупностью того, что принято определять в качестве «модерна» (вместе с усиливающим его понятием «постмодерна», когда речь заходит о непосредственной современности).

Итак, предлагается исходить из того, что глобализация – это процесс, так или иначе размывающий, ослабляющий межгосударственную систему, основными участниками (элементами) которой являются суверенные государства современного типа, а деглобализация – это процесс, который устанавливает (в этом смысле глобализация исторически может предшествовать такому установлению) или восстанавливает систему, в которой межгосударственное (международное) качество системы не просто доминирует по отношению к транснациональному (трансгосударственному), но и позволяет минимизировать, а то и вовсе отказаться от учета последнего, пусть не в конкретных исследованиях, а в теоретических концептуализациях общемировых процессов (трендов).

Исходя из таких установок и открывающейся благодаря им перспективы, мы можем зафиксировать в мировой истории минимум три макроэпизода, в каждом из которых происходил и завершался полный цикл волнообразного движения «глобализация – деглобализация». Это период 1500–1810-х гг., период 1820–1980-х гг. и современный период, включающий в себя интенсивную глобализацию двух десятилетий (1990–2000-е гг.) и не менее стремительную деглобализацию нашего времени, отсчитывать начало которой можно с 2008 г., а пики интенсивности фиксировать в 2014, 2016 и 2022 гг.

Первая волна глобализации открывается Великими географическими открытиями и существенной трансформацией хозяйственного уклада Европы (в первую очередь Западной Европы), вызванной сложнейшим комплексом причин, включающих климатический (относительное похолодание в Европе XIV–XV вв.) и демографический (последствия великой чумы XIV в.) факторы. В этот же ряд детерминаций следует поставить фактор технологический, в первую очередь военно-технологический (распространение пороха и огнестрельного оружия), далее, последствия политических конфликтов позднего Средневековья (Столетняя война английской и французской династий, война Алой и Белой роз в Английском королевстве) и социальных конфликтов XIV в. (Жакерия во Франции, восстание Уота Тайлера в Англии, восстание чомпи во Флоренции), а также судьбоносные изменения в духовной культуре Европы (Возрождение и Реформация). Результатом этой композиции перемен, произошедших в позднее Средневековье и раннее Новое время, стало формирование во второй половине XVI в. мирового рынка, мировой экономики с полноценным географическим разделением труда, органическими связями разных хозяйственных укладов (от передового мануфактурного в Англии и Нидерландах до крепостничества в Восточной Европе и рабовладения в Новом Свете), торговыми обменами между самыми разными регионами мира, причем обменами не только предметами роскоши для статусного потребления господствующих классов, но и вполне себе товарами первой необходимости, пусть и не для крестьянских низов, но для большей части населения городов, игравших роль основных локомотивов стремительно ускорявшегося развития (и движения к мировой гегемонии) европейской цивилизации.

Все эти процессы могут быть названы рождением «мира модерна», рождением мирового капитализма, рождением современной мир-системы [17], а могут быть определены как первая в истории глобализация, ибо они как минимум соответствуют наиболее распространенному представлению о глобализации как процесса утверждения регулярной экономической взаимосвязанности географически отдаленных регионов мира. Процитируем западных авторов, в самом названии текста которых задан вопрос о историческом начале глобализации: «1500 г. отмечает важный поворотный пункт в мировой истории... Европейские открытия превратили океаны в магистрали для торговли... Один из основоположников мир-системного анализа Андре Гундер Франк утверждает: “С 1500 г. по наше время в мире существует единая глобальная мировая экономика со всемирным разделением труда и многосторонней торговлей”» [16, р. 5].

Параллельно этому, быть может, самому судьбоносному в истории человечества периоду, когда формировались общие контуры современной цивилизации, происходил достаточно стремительный процесс суверенизации политических образований, которые со временем будут определять политическую судьбу мира. Речь о протосовременных государствах, которые могли формироваться на основе монархической власти (Англия, Франция, Швеция, Россия (Великое княжество Московское, Русское царство), на основе рес-

публиканских или квазиреспубликанских организационных начал (Республика Соединенных провинций (Нидерланды), Речь Посполитая, Швейцарский союз), на основе династических комбинаций (Испания). Эти протосовременные государства, с одной стороны, эффективно противостояли попыткам империи Габсбургов объединить Европу на имперской основе. Отдельные из них, вставшие на путь Реформации, освободились от контроля со стороны римского папства и финансовых трат в его пользу. С другой стороны, не менее эффективно эти исторически новые политические образования подавляли характерную для Средневековья политическую многоакторность (феодалы, центры силы, городские коммуны, рыцарские и церковные ордена и т. д.). Финал Тридцатилетней войны, которая начиналась как последний эпизод религиозных войн между католиками и протестантами, а заканчивалась как борьба центров военно-политической силы (протосовременных государств) за суверенитет и собственные вполне секулярные интересы, зафиксировал утверждение полицентричной международной системы суверенных государств относительно современного типа, которые только усиливались в дальнейшем, двигаясь от одной общеевропейской войны к другой, параллельно трансформируясь из династических государств в государства национальные (что, как показывает пример Великобритании или пример Франции в XIX в. да и России вплоть до Революции 1917 г., совершенно не предполагало отказа от монархических политических систем). Развитие межгосударственной системы от Вестфальского мира до Наполеоновских войн (когда была осуществлена следующая после Карла I(V) Габсбурга в XVI в. попытка политического объединения Европы), предполагавшее усиление монархического абсолютизма, развитие государственной бюрократии, налоговой системы, наемной или рекрутской армий, реализацию политики меркантилизма и протекционизма, следовательно установления сложной системы пошлин и тарифов, вполне может рассматриваться как деглобализационная реакция на глобализацию XVI в.

Одним из самых интересных вопросов, который историческая наука может задавать мировой истории, почему появление капитализма, вроде бы логически заинтересованного в минимализации любых политических издержек (от налогов и таможен до войн и разных сложностей, связанных с различиями национальных культур), мешающих полноценной конкуренции, получению прибыли и бесконечному накоплению капитала, вызвало к жизни государства современного типа, неотъемлемыми атрибутами и характеристиками которых являются как раз налоги, таможи, войны, расходы на военную безопасность, и развитие в тех или иных формах национального самосознания и национальных культур? Уместно предположить, что между капитализмом как экономическим укладом и межгосударственной системой присутствует какая-то логическая связь, неразличимая для поверхностного взгляда, способного изумиться данному несовпадению логического и фактического, что, как известно, не такая уж и редкость в истории.

Объяснить эту связь капиталистической глобализации и государственной деглобализации, произошедшей в Европе раннего Нового времени, мож-

но взаимной согласованностью интересов акторов капитализма и политических элит усиливающихся новоевропейских государств. Первые нуждались в защите собственности, защите интересов, связанных с конкретным подданством предпринимателей, от слишком рискованной конкуренции с предпринимателями других стран и регионов, а также в военно-силовой поддержке в освоении новых рынков, источников ресурсов, а со временем и регионов для инвестиций, тогда как политические акторы нуждались в надежной экономической налогооблагаемой базе, которая позволила бы содержать монархические дворы с их статусно-престижным потреблением, а также армии для реализации государственных интересов и нередко иррациональных амбиций правящих династий (применительно к XVII–XVIII вв. мировой истории одно очень сложно отделить от другого).

На наш взгляд, проблема органических связей между экономическим и политическим в эпоху капитализма – иначе говоря, связей между капитализмом как мировым социально-экономическим укладом, с одной стороны, и межгосударственной системой, с другой – более или менее непротиворечиво и убедительно решена в рамках мир-системного анализа, поэтому подкрепим сказанное двумя цитатами из трудов отца-основателя и персонального символа мир-системного анализа Иммануила Валлерстайна: «...капиталистическая система требует весьма определенных взаимоотношений между производителями и власть предержащими. Если последние будут слишком сильны, как это было в мироимпериях, их интересы перевесят интересы производителей и бесконечное накопление капитала уже не будет основным приоритетом. Капиталистам нужен большой рынок (поэтому минисистемы им не подходят) и множество разных государств, работая с которыми можно получать определенные преимущества, но помимо этого капиталисты могут обходить государства, враждебные их интересам, в пользу дружественных. А при всеобщем разделении труда только множественность государств обеспечивает эту возможность» [4, с. 100]. И еще: «Существует так много вариаций участия государства в работе виртуального рынка, что можно с уверенностью назвать его основополагающим фактором, определяющим уровень цен и прибыли. Без вмешательства государства капиталистическая система не смогла бы преуспеть, а соответственно, и выжить» [4, с. 104].

Вторую историческую волну глобализации можно связывать с XIX в. и продолжать вплоть до 1914 г., когда, согласно распространенной и очень точной метафоре, вместе с первыми залпами Первой мировой войны начался не календарный, а настоящий (по смыслу и содержанию) XX в. Можно скорректировать начало этой волны глобализации – 1820-е гг. В предыдущее десятилетие завершились Наполеоновские войны, состоялось окончательное избавление Европы от Наполеона Бонапарта и решения Венского конгресса зафиксировали провал попытки построения преимущественно военно-политическим путем (с элементами дипломатии, включавшую в себя и династическо-брачную дипломатию) «политически единой» Европы. Технологическая революция (паровой двигатель, станки, поточное фабричное производство), открывшая новый, индустриальный этап в истории капитализма,

начала оказывать необратимое влияние на Европу и остальной мир, став, быть может, главной причиной достижения Западом общемировой гегемонии во второй половине XIX в. Английский фунт стерлинга стал полноценной резервной (конвертируемой в золото) валютой мировой экономики. Это эпоха стремительного развития новых способов коммуникации – от железных дорог, паровозных сообщений и, в конечном итоге, автомобилей в транспортных коммуникациях до телеграфа, радиосвязи и телефона в информационных коммуникациях. Интересно, что знаменитые пассажи К. Маркса и Ф. Энгельса, описывавших современную им экономическую и социальную реальность в «Манифесте коммунистической партии» 1848 г., очень непросто отличить от описаний глобализации конца XX – начала XXI в.: «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций, – отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. Вместо старых потребностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и самых различных климатов. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература» [8, с. 29].

Анализ статистических данных, относящихся к экономической истории XIX в., убеждает в том, что внешняя торговля не только в поздний период, названный марксистами периодом «монополистического капитализма» (империализма), а на протяжении всего рассматриваемого этапа второй глобализации была основой получения прибыли и накопления капитала в развитых странах. Английский экспорт в период между 1830 и 1870 гг. возрос на 327 %, импорт на 563 %. В период «монополистического капитализма», между 1870 и 1913 гг. экспорт возрос только на 263 %, импорт на 255 %. Схожую картину мы наблюдаем во Франции: в период между 1830 и 1870 гг. рост экспорта на 618 %, хотя импорт снизился на 58 %. Между 1870 и 1913 гг. экспорт вырос на 245 %, импорт на 293 % [14, р. 333].

Добавим не менее впечатляющее описание успехов глобализации XIX в. от выдающегося экономического историка Ф. Броделя: «Возвышение Лондона перевернуло страницу в экономической истории Европы и всего мира,

ибо установление экономического господства Англии, распространившегося также и на сферу политики, означало конец многовекового периода экономик, отводивших ведущее место городам, периода миров-экономик неспособных, несмотря на размах и аппетиты европейского капитализма, удерживать под своим влиянием весь остальной мир. Англии же удалось не только вытеснить Амстердам и повторить его успех, но и превзойти его. Это завоевание мира было трудным, чреватым инцидентами и драматическими эпизодами, однако английское господство сохранилось, преодолев все препятствия. Впервые европейская экономика, потеснив другие, стала претендовать на доминирующую роль в мировой экономике и отождествляться с нею в мире, где любые препятствия отступали вначале перед англичанином, а затем перед европейцем. И так продолжалось вплоть до 1914 г. Андре Зигфрид, родившийся в 1875 г., и которому в начале нашего века исполнилось двадцать пять лет, значительно позднее, в мире, ощетинившемся границами, с восхищением вспоминал, как он в молодости совершил кругосветное путешествие, имея в качестве единственного документа, удостоверявшего личность, обычную визитную карточку. Это было чудом *raх britannica* существовавшего, разумеется, за счет некоторого числа людей, оплачивавших его цену» [2, с. 109–110].

Достигнутый к началу XX в. исторически беспрецедентный уровень экономической глобализации даже позволял некоторым чрезмерно оптимистичным авторам делать выводы о системной невозможности серьезных военных конфликтов между ведущими странами мира ввиду их категорической невыгодности для игроков мирового рынка. Предвестником будущих теорий экономической взаимозависимости, якобы дающей намного более надежные гарантии от войн, нежели классический баланс сил или система коллективной безопасности, стал труд Нормана Энджела [13], увидевший свет за несколько лет до катастрофы Первой мировой войны. Увы, столь уверенные прогнозы не сбылись и тут сложно не проводить аналогий с провалом глобалистских надежд уже в начале XXI в. В задачи данного текста не входит ревизия экономических и политических объяснений Первой мировой, в которых, разумеется, нет недостатка. Марксистские аналитики предсказуемо предпочли увидеть в этой драме закономерный результат непреодолимых противоречий капитализма, историки и теоретики международных отношений, для которых принципиален акцент на автономии политического и на том, что международные отношения руководствуются собственной логикой, не выводимой ни из экономических, ни из культурных предпосылок, как представляется, более убедительно усматривают в Первой мировой ординарные международно-политические причины – борьба за перераспределение внешнеполитического влияния и изменение общего расклада сил в системе международных отношений, когда державы-ревизионисты (Германская империя) бросают вызов державам-гегемонам (Британская империя), заинтересованным в сохранении статус-кво. Достигнутые объемы международного сотрудничества были разрушены мировой войной, а дополнительными факторами деглобализации стали появление СССР с курсом на постро-

ение социализма в одной стране, Великая депрессия 1929 г., и как итог – Вторая мировая война. В постколониальном мире в большинстве стран, обретших независимость от европейских метрополий после Второй мировой войны, вплоть до кризиса социалистического блока будет доминировать идеология построения суверенных государств по классическому (европейскому) образцу и развития национальных экономик с максимальной импорт-замещенностью.

Снижение доли торговли в ВВП наиболее развитых стран мира продолжалось до 1950-х гг. [14, с. 331]. Современный автор М. О. Лихачев утверждает, что полноценное восстановление экономических успехов глобализации XIX в. произошло даже двумя-тремя десятилетиями позже: «Экспорт Великобритании и Франции в 1870–1913 гг. увеличивался в среднем на 2,8 % в год, экспорт Германии – на 4,1 %, США – на 4,9 %, Японии – на 8,5 %. В результате экспортные квоты этих стран (отношение экспорта к ВВП) за этот период резко возросли: Великобритании – с 12,2 до 17,5 %, Франции – с 4,9 до 7,8 %, Германии – с 9,5 до 16,1 %, США – с 2,5 до 3,7 %, Японии – с 0,2 до 2,4%. Такой уровень открытости экономик ведущих мировых держав будет вновь достигнут только в 70–90-х гг. XX в.» [7, с. 6].

Круг авторов и исследовательских коллективов, осуществлявших анализ последней по времени и относительно недавней глобализации, чрезвычайно обширен, более того, в нем представлены состоявшиеся классики [1; 5; 6]. Это обстоятельство избавляет от необходимости даже кратко описывать третью глобализацию. Заметим только, что дискуссионным остается вопрос о том, когда она началась, например, по-прежнему обсуждается, имеет ли смысл относить к периоду данной глобализации всю вторую половину XX в. или только его последнюю треть. Можно допустить существование определенного консенсуса по поводу того, что, как уже отмечалось выше, последнее десятилетие XX в. и первое десятилетие XXI в. несомненно были временем пиковых успехов глобализации. Это был период ВТО, ТНК, MTV и впечатляющих успехов европейской (ЕС) и отчасти североамериканской (НАФТА) интеграций. Никогда в истории таких масштабов не достигала глубина взаимозависимости национальных экономик, что поставило под вопрос целесообразность самого понятия «национальная экономика», беспрецедентным был уровень развития по-настоящему транснациональных, а не просто международных экономических связей, столь же невиданным оказалось снижение возможностей контроля за капиталом, перемещением производств, информацией, да и гражданами со стороны национальных правительств.

В связи с последним важно подчеркнуть принципиальную специфику третьей глобализации в сравнении с предыдущими двумя. В отличие от них это была не только и даже не столько экономическая глобализация, сколько глобализация политическая, действительно вызвавшая трансформацию национально-государственных суверенитетов в сторону их ослабления, можно сказать, коррозии суверенитетов. Это был уже не просто экономический процесс с некоторыми политическими последствиями. Это был либо экономический процесс с грандиозными политическими последствиями, ли-

бо политический процесс, происходивший одновременно, в тесной связке с экономическим процессом, иногда предшествуя ему. Впечатляющий успех европейской не просто экономической, а политической интеграции – правда так и не повторенный в других макрорегионах мира, в которых предпочли ограничиться интеграцией экономической – реальная практика доминирования наднациональных институций по отношению к суверенным правительствам (от ВТО до Европейского суда по правам человека), международная активность регионов и даже отдельных городов, торжество самих идей десоверенизации, унификации ценностей (в первую очередь прав человека) и правовых систем, да и неспособность или нежелание оказывать какое-либо сопротивление внешней политике США и их ближайших союзников – вот перечень наиболее значимых фактов-симптомом первой и на сегодняшний день единственной в истории вполне реальной политической глобализации.

Дискуссионным остается вопрос, отсчитывать ли начало обратного процесса деглобализации от кризиса 2008 г., точнее, от тех мер (и их последствий), которые начали предприниматься властями национальных государств для борьбы с мировым кризисом, или от 2014 г., когда реакция России на смену власти на Украине, интерпретированную как вызов базовым национальным интересам, запустила реальный процесс трансформации системы международных отношений, которая сложилась после холодной войны и именовалась разными словосочетаниями с использованием прилагательного «однополярный», например «однополярным моментом» [15], или от 2016 г. – года Брекзита и первой победы Дональда Трампа на президентских выборах в США. Выбор «точки отсчета» принципиально важен для авторов учебников, в науке этот вопрос обречен оставаться вечно или долговременно дискуссионным. Сейчас нет сомнений по поводу того, что деглобализация, ставшая мегатрендом 2010-х гг., о чем автору приходилось писать в статье 2018 г. [12], продолжается и в середине 2020-х, после ковида и в критический момент противостояния России и ведущих стран Запада. Мегатренд или тенденция деглобализации не просто не сменилась контртенденцией, а наоборот, усилилась, усугубилась. Важно отметить, с учетом обозначенной выше принципиальной специфики третьей глобализации, что актуальная деглобализация, как и в двух предыдущих исторических случаях, стала политическим процессом с экономическими последствиями (торговые войны, новые тарифы, санкции-антисанкции, политика импортзамещения, возвращение (локализация) выведенных в развивающиеся страны производств обратно в развитые страны), однако впервые в истории она стала процессом преодоления политической глобализации, процессом ресуверенизации, укрепления, восстановления, возвращения государственного суверенитета, который все-таки не ослабевал в период второй глобализаций, а в период первой вообще отсутствовал в современном понимании этого понятия.

В завершение имеет смысл заметить, что радующиеся возвращению человечества в привычный формат суверенных государств и отдельных наций не должны повторять ошибку своих оппонентов, апологетов глобализации, в свое время искренне уверовавших в то, что глобализация необратима, при-

чем не только как экономическая, но и как политическая глобализация. Это позволяло им всерьез вести разговоры о неминуемом упадке и даже исчезновении суверенных государств, что, кстати, выглядело уместным в рамках примерно такой логики: раз система государств имеет историческое происхождение (XVI–XVII вв.), значит, она не может быть вечной и рано или поздно будет вынуждена уйти из истории так, как когда-то в нее пришла, будучи заменена то ли «новым Средневековьем», то ли всемирным безгосударственным капитализмом, то ли каким-то вариантом мировой империи – империи США (Запада) или империей как таковой, как воображали себе не только будущее, но и вполне себе настоящее итальянские авторы Хардт и Негри [11], чьи идеи способствовали некоторому оживлению в стане леворадикальных мыслителей. Однако гораздо более реалистичным выглядит предположение, что волнообразные колебания от глобализации к деглобализации и обратно продолжатся и в дальнейшем, т. е. за нынешней политической деглобализацией более чем возможна новая глобализация, которая опять начнется как экономический процесс и продолжится политическими последствиями. Эти циклические движения могут закончиться, если исчезнут капитализм и существующая в связке с ним система суверенных государств, однако после провала антикапиталистических ожиданий XX в. и антигосударственных ожиданий начала XXI в. и то и другое выглядит крайне маловероятным.

Список литературы

1. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества : пер. с англ. М. : Весь мир, 2004. 188 с.
2. *Бродель Ф.* Динамика капитализма : пер. с фр. Смоленск : Полиграмма, 1993. 126 с.
3. *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Т. 1. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке : пер. с англ. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2016. 552 с.
4. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: введение : пер. с англ. М. : ЛЕНАНД, 2020. 304 с.
5. *Гидденс Э.* Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь : пер. с англ. М. : Весь Мир, 2004. 120 с.
6. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура : пер. с англ. / Д. Хелд [и др.]. М. : Праксис, 2004. 576 с.
7. *Лихачев М. О.* Глобализация и Первая мировая война: крах первой модели глобальной экономики // Вестник Московского гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. 2014. № 4. С. 5–15. EDN TBDDFN
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. М. : Политиздат, 1974. 63 с.
9. *Мэддисон Э.* Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории : пер. с англ. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. 584 с.
10. *Тешке Б.* Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 416 с.
11. *Хардт М., Негри А.* Империя : пер. с англ. М. : Праксис, 2004. 440 с.
12. *Шмидт С. Ф.* Деглобализация и ресуверенизация: двойной мегатренд 2010-х // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 26. С. 5–20.
13. *Angell N.* The great illusion; a study of the relation of military power in nations to their economic and social advantage. New York and London : G. P. Putnam's sons, 1911, 438 p.

14. Crafts N., Venables A.J. Globalization in History: A Geographical Perspective // *Globalization in Historical Perspective* / Michael D. Bordo, Alan M. Taylor, Jeffrey G. Williamson. Chicago, 2003. Chapter 11. P. 323–370.
15. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // *Foreign Affairs*. Vol. 70, N 1. America and the World 1990/91 (1990/1991). P. 23–33.
16. O'Rourke K., Williamson J. *When did Globalization Begin?* Cambridge : Harvard Press, 2000. 54 p.
17. Wallerstein I. *World-Systems Analysis: Theoretical and Interpretative Issues* // *Social Change in the Capitalist World-Economy*. Beverly Hills, 1978. P. 219–235.
18. Williamson J. Was It Stolper-Samuelson, Infant Industry or Something Else? *World Trade Tariffs 1789-1938*. Cambridge : Harvard Press, 2003. 56 p.

References

1. Bauman Z. *Globalizaciya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva* [Globalization: The Human Consequences]. Moscow, Ves mir Publ., 2004, 188 p. (in Russian)
2. Brodel F. *Dinamika kapitalizma [La Dynamique du Capitalisme]*. Smolensk, Poligramma, 1993. 126 p. (in Russian)
3. Vallerstajin I. *Mir-sistema Moderna. T. I. Kapitalisticheskoe sel'skoe hozyajstvo i istoki evropejskogo mira-ekonomiki v XVI veke* [The Modern World-System. Vol. 1. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century]. Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2016, 552 p. (in Russian)
4. Vallerstajin I. *Mirosistemnyj analiz: vvedenie* [World-Systems Analysis: An Introduction]. Moscow, Lenand Publ., 2020, 304 p. (in Russian)
5. Giddens E. *Uskolzayushchij mir: kak globalizaciya menyaet nashu zhizn* [Runaway world : Runaway world]. Moscow, Ves Mir Publ., 2004, 120 p. (in Russian)
6. Held D., Goldblatt D., McGrew A., Perraton J. *Globalnye transformacii: politika, ekonomika, kultura* [Global transformations: politics, economics, culture]. Moscow, Praksis Publ., 2004. 576 p. (in Russian)
7. Likhachev M.O. *Globalizaciya i Pervaya mirovaya vojna: krah pervoj modeli global'noj ekonomiki* [Globalization and World War I: Collapse of the First Model of the Global Economy]. *Vestnik Moskovskogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholohova*, 2014, no. 4, pp. 5-15. (in Russian)
8. Marks K., Engel's F. *Manifest kommunisticheskoy partii* [Manifesto of the Communist Party]. Moscow, Politizdat Publ., 1974, 63 p. (in Russian)
9. Meddison E. *Kontury mirovoj ekonomiki v 1-2030 gg. Oчерki po makroekonomicheskoj istorii* [Contours of the World Economy 1-2030 AD: Essays in Macroeconomic History]. Moscow, Institut Gajdara Publ., 2012, 584 p. (in Russian)
10. Teshke B. *Mif o 1648 gode: klass, geopolitika i sozdanie sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij* [The Myth of 1648: class, geopolitics, and the making of modern international relations]. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2011, 416 p. (in Russian)
11. Hardt M., Negri A. *Imperiya [Empire]*. Moscow, Praksis Publ., 2004, 440 p. (in Russian)
12. Schmidt S. F. *Deglobalizaciya i resuverenizaciya: dvojnij megatrend 2010-h* [Deglobalization and Resovereignization: a Double Megatrend of the 2010s.]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies]. 2018, vol. 26, pp. 5-20. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.26.5>. (in Russian)
13. Angell N. *The great illusion; a study of the relation of military power in nations to their economic and social advantage*. New York and London, G. P. Putnam's sons, 1911, 438 p.
14. Crafts N., Venables A.J. Globalization in History: A Geographical Perspective // *Globalization in Historical Perspective*. Michael D. Bordo, Alan M. Taylor, Jeffrey G. Williamson. Chicago, 2003. Chapter 11. P. 323–370.
15. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment. *Foreign Affairs*, vol. 70, no. 1, America and the World 1990/91 (1990/1991), pp. 23-33.
16. O'Rourke K., Williamson J. *When did Globalization Begin?* Cambridge, Harvard Press, 2000, 54 p.

17. Wallerstein I. World-Systems Analysis: Theoretical and Interpretative Issues. *Social Change in the Capitalist World-Economy*. Beverly Hills, 1978, pp. 219-235.

18. Williamson J. *Was It Stolper-Samuelson, Infant Industry or Something Else? World Trade Tariffs 1789-1938*. Cambridge, Harvard Press, 2003, 56 p.

Сведения об авторе

Шмидт Сергей Федорович

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра мировой истории
и международных отношений
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: cevelik@mail.ru
ORCID 0000-0002-3756-7479*

Information about the author

Schmidt Sergey Fedorovich

*Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department of World
History and International Relations
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk,
664003, Russian Federation
e-mail: cevelik@mail.ru
ORCID 0000-0002-3756-7479*

Статья поступила в редакцию **05.02.2025**; одобрена после рецензирования **04.03.2025**; принята к публикации **17.03.2024**
The article was submitted **February, 05, 2025**; approved after reviewing **March, 04, 2025**; accepted for publication **March, 17, 2025**